

A romantic scene between a man and a woman in a castle setting. The woman, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a white, lace-trimmed dress. The man, on the right, has dark hair and a beard, and is wearing a dark blue suit jacket over a light-colored shirt and a patterned tie. They are both looking down at an open book held by the man. The background shows a large, stone castle with multiple towers and spires, set against a bright, hazy sky. Golden leaves are falling around them, suggesting an autumn setting. The overall mood is intimate and nostalgic.

Сергей Патрушев

Прощай, любимая

Сергей Патрушев

Прощай, любимая

<https://litres.ru/74008484>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Записки расставаний любимой» — это пронзительная исповедь мужского сердца, рассказанная через двенадцать прощальных писем. Каждая глава — отдельная история любви, которая закончилась, но оставила после себя шлейф из недосказанных слов, горьких признаний и светлой печали.

Герой этой книги пишет своей возлюбленной снова и снова, пытаясь объяснить то, что невозможно объяснить словами. Почему уходят, когда ещё любят? Почему чувства остывают, как чай на столе? Почему быт съедает страсть, а свобода оказывается дороже самого тёплого объятия? В этих письмах — целая вселенная мужской души: ранимой, противоречивой, иногда заблудшей, но всегда искренней. Он прощается, потому что увидел её с другим, потому что устал от рутины, потому что нашёл новую любовь, потому что война забрала его последние минуты, потому что компьютерные игры и друзья оказались важнее, потому что алкоголь разрушил всё светлое между ними. Каждая записка — это отдельная трагедия, маленькая смерть надежды.

Сергей Патрушев

Прощай, любимая

Глава первая. Бумага помнит всё

Записка первая

Я пишу тебе это письмо, хотя поклялся себе, что не стану этого делать. Дал слово, что исчезну тихо, без единого звука, без единого следа, растворюсь в твоей жизни, как туман над рекой поутру. Но вот я сижу за столом, на котором горит старая лампа с прожжённым абажуром, и рука сама тянется к бумаге, потому что молчание оказалось невыносимее любых слов. Прости меня за это малодушие, за эту последнюю слабость, которую я себе позволяю. Я знаю, ты, читая эти строки, возможно, покачаешь головой, скажешь про себя: «Опять он за своё», и будешь права. Ты всегда была права, даже когда ошибалась, и в этом заключалась твоя непостижимая сила, которой я одновременно восхищался и которой страшился.

Сегодня ровно месяц с того дня, как мы расстались. Месяц, который вместил в себя целую вечность пустоты. Я считал дни, сбивался, считал заново, и каждый раз выходило одно и то же число, которое жгло сознание, словно калёное же-

лезо. Тридцать дней без твоего голоса. Тридцать ночей, когда я просыпался посреди темноты и нащупывал рукой холодную половину кровати, ту самую, где раньше спала ты, свернувшись калачиком и тихонько посапывая. Я помню запах твоих волос на подушке, он выветрился не сразу, он держался ещё неделю, а потом исчез, и вместе с ним исчезло что-то очень важное, что-то почти физически осязаемое, будто из комнаты вынесли не вещь, а сам воздух. И тогда я впервые по-настоящему понял, что всё кончено.

Я всё думаю, с чего начать. Как вложить в слова то, что копилось месяцами, годами, всю нашу жизнь, которую мы пытались построить вместе? Наверное, честнее всего будет начать с признания: я не виню тебя. Слышишь? Не виню. Я много думал об этом долгими бессонными ночами, прокручивал в голове наши последние разговоры, наши ссоры, наши горькие упрёки, брошенные в сердцах, и понял, что вина — это слишком простое и слишком трусливое объяснение. Нельзя возложить ответственность на кого-то одного, когда речь идёт о крушении целого мира. Наш мир рушился постепенно, камень за камнем, и мы оба стояли и смотрели на это, то ли не желая замечать, то ли не умея остановить. Мы были архитекторами своего несчастья, хотя начинали как вдохновенные строители счастья, помнишь? Мы чертили планы, мы возводили стены, мы украшали фасады, но забыли заложить фундамент, и теперь ясно вижу каждую трещину, которая к

этому привела.

Помнишь нашу первую встречу? Был дождь, самый обычный сентябрьский дождь, мелкий и противный, который пробирает до костей. Ты стояла под козырьком остановки, без зонта, с мокрыми прядями, прилипшими ко лбу, и смеялась. Ты смеялась над своей нелепой ситуацией, над лужами, над серым небом, над всем миром, который, казалось, ополчился против тебя. А я стоял рядом и не мог отвести взгляд. В тот момент я не знал твоего имени, не знал, кто ты и откуда, но я вдруг ощутил такую пронзительную, щемящую близость, словно мы были знакомы тысячу лет. Когда ты повернулась ко мне и спросила, который час, твой голос проник в самое сердце. Мы разговорились, и я пошёл провожать тебя до дома пешком под этим проклятым дождём, потому что ни один автобус не приходил, а может, они приходили, но мы просто не хотели их замечать. Мы промокли до нитки, но были абсолютно счастливы. Я тогда подумал: вот она, та самая случайность, которая переворачивает жизнь. Я не верил в судьбу, но в ту ночь, лёжа в постели и чувствуя, как по телу разливается тепло после горячего чая, я готов был поклясться, что все дороги вели меня именно к этой остановке, именно к этому дождю, именно к тебе. Теперь тот дождь кажется мне символом. Он был предвестником, метафорой, только мы не умели читать знаки. Мы стояли под крышей, но всё равно промокли, мы были вместе, но всё равно оста-

лись поодиночке.

Ты знаешь, я часто перебираю в памяти наши лучшие дни, и их было много, несправедливо много для той трагедии, которой всё закончилось. Наша первая поездка к морю, когда мы сбежали от всех проблем, бросив всё, просто купили билеты на поезд и уехали на юг. Помнишь тот дикий пляж, куда можно было спуститься только по крутой, почти отвесной тропинке? Мы лежали на гальке, слушая, как волны с шёпотом перекатывают камни, и ты сказала: «Давай останемся здесь навсегда». Мы строили планы, наивные, прекрасные планы, как купим маленький домик у моря, разведём сад, будем встречать рассветы и провожать закаты, читать друг другу вслух и состаримся вместе, держась за руки. В твоих глазах тогда отражалось небо, бескрайнее и глубокое, и я верил каждому твоему слову. Я верил, что так и будет. Та вера была самой чистой и сильной эмоцией в моей жизни, она давала мне силы просыпаться по утрам, работать, стремиться к чему-то. Я жил не для себя, я жил для этого будущего, для нас. А потом будущее наступило и оказалось совсем не таким, как мы его представляли.

Где мы ошиблись? Я ищу этот момент, эту точку невозврата, но нахожу лишь череду мелких, почти незаметных событий, которые, словно капли воды, точили камень нашей любви. Возможно, первой каплей стал мой карьерный завал,

когда я ушёл с работы и несколько месяцев сидел без дела, погружаясь в апатию и безразличие. Ты пыталась меня растормошить, поддержать, но я отталкивал твою помощь, потому что мне было стыдно. Мне было стыдно, что ты видишь меня таким — слабым, потерянным, неспособным свернуть горы, которые я же и обещал. Я замыкался в себе, и ты стучалась в закрытую дверь, сначала настойчиво, потом всё тише и тише, пока вовсе не перестала. А может, той каплей стала твоя увлечённость новой компанией, новыми людьми, которые жили так ярко, так интересно, что наш тихий вечерний мирок с фильмами и чаем стал казаться тебе пресным и удушающим. Я ревновал. Страшно, дико, испепеляюще ревновал не к кому-то конкретно, а к той жизни, которая тебя увлекала и в которой для меня, как мне казалось, не находилось места. Я видел, как загораются твои глаза, когда ты рассказываешь о чужих историях, и ловил себя на мысли, что от меня они уже давно так не загораются. Вместо того чтобы самому стать для тебя интересным, я обижался и закатывал скандалы, каждый из которых был гвоздём в крышку нашего гроба.

Я вспоминаю нашу последнюю ссору, и комок подступает к горлу. Она была такой нелепой, такой пустяковой, что сейчас мне даже смешно и горько одновременно. Мы разругались из-за немытой чашки, оставленной в раковине. Из-за чашки. Из-за куска фаянса с отбитой ручкой. Но в той ссоре,

как в капле воды, отразилось всё наше состояние: накопившаяся усталость, невысказанные обиды, претензии, которые мы таили годами. Ты кричала, что я тебя не слышу, что я погряз в быте и равнодушии. Я кричал, что ты эгоистка и думаешь только о себе. Мы швырялись словами, как острыми ножами, целясь в самые больные места, потому что знали друг о друге всё. Слишком хорошо знали, чтобы ранить так метко и так больно. И в тот момент любовь, которая всё ещё теплилась где-то глубоко, ушла на второй план, уступив место звериному желанию победить, доказать, уязвить. Это была битва без победителей, Лиза. Мы оба проиграли в ней, просто я осознал это только сейчас, когда пепел остыл и тишина стала оглушительной.

Когда ты сказала: «Я ухожу», я сначала не поверил. Думал, это очередная манипуляция, очередной виток нашей бесконечной драмы, после которого последуют слёзы, примирение и несколько дней обманчивого покоя. Но в твоих глазах была пустота. Не злость, не обида, не отчаяние — пустота. Ты смотрела сквозь меня, словно я уже стал для тебя призраком, воспоминанием, тенью прошлого. И тогда мне стало по-настоящему страшно. Я стоял в коридоре, привалившись плечом к стене, и смотрел, как ты собираешь вещи. Твои движения были механическими, лишёнными эмоций. Ты складывала свитера, которые мы вместе покупали, книги, которые мы обсуждали, свои безделушки, которые делали этот

дом нашим домом. С каждой положенной в чемодан вещью реальность утекала, как песок сквозь пальцы. Я хотел броситься к тебе, остановить, упасть на колени, умолять, схватить за руки, заплакать, сказать, что всё исправлю, всё изменю, только не уходи. Но я стоял и молчал. Парализованный гордостью, страхом, шоком, я просто стоял и смотрел, как рушится моя жизнь. Захлопнулась входная дверь, и вместе с её стуком оборвалось что-то внутри меня, какая-то важная нить, связывающая меня с реальностью.

Знаешь, самое ужасное в расставании — это не одиночество, как я думал раньше. Одиночество можно заполнить книгами, работой, бессмысленными разговорами по телефону. Самое ужасное — это потеря свидетеля твоей жизни. Ты была единственным человеком на земле, с которым я мог быть собой до конца. Не играть роль, не притворяться сильным, успешным, весёлым, а просто быть. Уставшим, раздражённым, глупым, смешным, слабым. Ты знала меня настоящего. Ты видела мои слёзы, мои истерики, мои моменты трусости и малодушия. Ты знала мои родинки, мои шрамы и их истории. Ты помнила, какой кофе я люблю по утрам и какую музыку слушаю, когда мне грустно. И теперь тебя нет, и это знание обо мне никому не нужно. Я стал книгой на забытом языке, которую некому прочесть. Каждый мой новый день — это монолог в пустоту. Я вижу смешное облако в небе и поворачиваю голову, чтобы показать его тебе, но рядом ни-

кого нет. Я слышу новую песню и хочу отправить её тебе, но палец зависает над экраном телефона, потому что мы больше не те люди. Мы чужие. Целая вселенная общей памяти, общих шуток, общих понятий ушла в небытие, и я остался единственным её хранителем, словно последний смотритель заброшенного маяка, который светит в океан, где давно уже нет ни одного корабля.

Я храню все твои записки, которые ты мне писала. Маленькие, на жёлтых стикерах, которые ты клеила на холодильник: «Купи молоко», «Я тебя люблю», «Удачи на собеседовании». Каждая из них — это маленький артефакт ушедшей эпохи. Я храню твою заколку, которую нашёл под ванной через неделю после твоего ухода. Я сжимал её в кулаке так сильно, что она оставила след на ладони, и думал о том, как несправедливо устроен мир. Вещи остаются, а люди уходят. Этот дом полон призраков. Призрак тебя, сидящей на подоконнике с чашкой кофе. Призрак тебя, спящей на моём плече во время скучного фильма. Призрак твоего смеха, который эхом отдаётся от стен кухни. Я брожу по квартире, как по музею нашей любви, и каждый экспонат причиняет почти физическую боль. Иногда я ловлю себя на мысли, что разговариваю с тобой вслух. Рассказываю, как прошёл день, жалуясь на коллег, обсуждаю новости. А потом резко замолкаю, накрытый осознанием, что я схожу с ума. Или просто мой разум отказывается принять ту пустыню, в которую пре-

вратилась моя эмоциональная жизнь.

Мне часто снишься ты. Во сне всё по-прежнему. Мы сидим на нашей кухне, и солнечный свет заливает всё вокруг. Ты протягиваешь мне яблоко и что-то говоришь, что-то простое и будничное, а я смотрю на тебя и чувствую такое умиротворение, какого не чувствовал нигде и никогда. Самое жестокое пробуждение — это утро после таких снов. Несколько секунд блаженного неведения, когда сознание ещё плавает в тёплой, вязкой субстанции сновидения, а потом реальность обрушивается, как ледяной водопад. Я снова один. Я снова в пустой постели. Я снова должен прожить день, зная, что ты не придёшь. Я перестал бояться смерти, но я боюсь просыпаться. Просыпаться — значит снова и снова переживать твой уход, как тупую, ноющую боль, которая никуда не уходит, а лишь притаилась за углом, дожидаясь момента, чтобы наброситься с новой силой.

Я хочу, чтобы ты знала, я отпускаю тебя. Это, наверное, самое трудное, что я когда-либо делал. Я разжимаю пальцы, которыми судорожно цеплялся за прошлое, за надежду, за невозможное «а вдруг». Я отрываю тебя от своего сердца с мясом и кровью. Я отпускаю тебя не потому, что разлюбил. Боже упаси, я люблю тебя всё так же сильно, если не сильнее. Я отпускаю тебя именно поэтому. Потому что любовь — это не клетка. Любовь — это когда ты желаешь человеку счастья,

даже если это счастье не с тобой. Я желаю тебе найти свой путь, своё море, свои рассветы и закаты. Я желаю тебе найти человека, который будет слышать тебя с первого слова, который будет смотреть на тебя тем взглядом, каким я уже не могу, потому что мой взгляд замутиён болью и прошлым. Я желаю тебе лёгкости, той лёгкости, которую мы растеряли по дороге. Ты заслуживаешь целого мира, и я надеюсь, что кто-то сможет тебе его подарить. Я бы хотел, чтобы этим кем-то был я, но я выхожу из гонки. У меня больше нет сил на эту битву.

Прости меня. Прости за несбывшиеся обещания, за несдержанные слова, за минуты моего равнодушия, когда тебе так нужно было моё тепло. Прости за гордость, которая не давала мне сделать первый шаг к примирению, за крик, за холодный тон, за то, что позволял нам отдаляться день за днём. Прости за нашу несбывшуюся жизнь, за домик у моря, который останется лишь в наших фантазиях. Прости за всё то доброе и светлое, что я не сумел уберечь. Я прощаю тебя за всё, даже если ты считаешь, что тебе не за что просить прощения. Я прощаю тебя за твою свободу, которая была важнее нас, за твои сомнения, за твой уход. Я прощаю тебя, потому что держать обиду — значит всё ещё быть с тобой в негативной связи, а я хочу нам обоим свободы.

Я сижу и смотрю, как свеча догорает на столе. Воск стека-

ет прозрачными слезами. Моя рука, наконец, устала. Я выговорился. Эта первая записка — моё прощание. Я складываю этот лист, кладу его в конверт, который, возможно, никогда тебе не отправлю. Может быть, он так и останется лежать в ящике стола, пылиться, желтеть от времени, как немой свидетель моей боли. А может, однажды, через много лет, я наткнусь на него, перечитаю и улыбнусь, потому что раны затянутся. Но сейчас каждая написанная строка — это лезвие по сердцу. Я прощаюсь с тобой, моя любимая. Прощаюсь с той частью себя, которая навсегда осталась с тобой. Бумага помнит всё: и счастье, и боль. И я оставляю эту боль здесь, на этих страницах, чтобы самому идти дальше налегке, в неизвестность, в тишину, в новую жизнь, которая когда-нибудь обязательно начнётся. Прощай. Будь счастлива. Я так тебя любил.

Глава вторая. Тепло, которое ушло

Записка вторая

Вот и всё. Я сижу перед чистым листом и чувствую пустоту, которая не имеет ничего общего с той бушующей, клочущей болью, что разрывала меня на части месяц назад. Нет, теперь внутри тихо. Так тихо, что слышно, как оседает пыль на подоконник, как скрипят половицы под тяжестью моих собственных шагов, как ветер за окном перебирает го-

лые ветки деревьев. Эта тишина — самое страшное, что случилось со мной после твоего ухода, потому что она означает одно: я больше не люблю тебя. Пишу эти слова и не верю самому себе. Буквы складываются в строки, а строки — в убийственное признание, от которого веет холодом, словно от распахнутой настежь двери в зимнюю ночь. Но я должен это сказать. Должен выдавить из себя эту горькую, отравленную правду, потому что только она способна поставить точку в нашей истории, точку жирную и окончательную, как рубец на сердце.

Когда ты ушла, я думал, что умру. Это не фигура речи, не красивая метафора для романа. Я действительно чувствовал, как жизнь покидает меня, клетка за клеткой, мысль за мыслью. Мир обесцветился, еда потеряла вкус, музыка превратилась в бессмысленный набор звуков. Я прикладывал ладонь к груди, ожидая, что сердце вот-вот остановится, не выдержав этой пытки, но оно, предатель, продолжало биться. Размеренно, глухо, равнодушно. Первые недели я жил в аду. Ад — это не котлы со смолой и не сковородки, ад — это пустая квартира, где каждая вещь напоминает о тебе, где воздух всё ещё пахнет твоими духами, где в углах таятся тени нашего прошлого. Я просыпался по утрам с единственным желанием — чтобы этот день уже закончился, не успев начаться. Пил кофе, который ты так любила варить по утрам, и он казался мне ядом. Я жил воспоминаниями, цеплялся за

них, как утопающий цепляется за соломинку, и в этом цеплянии было единственное моё спасение. Потому что, пока болит — ты жив, пока кровоточит — ты чувствуешь, пока память жжёт — ты ещё привязан. Я боялся момента, когда боль утихнет. Я знал, что он наступит, и боялся его больше всего на свете.

И он наступил. Не в один день, нет. Это не был удар грома, озарение, перелом. Это была медленная, вязкая, неотвратимая агония моей любви к тебе. Сначала я перестал ждать от тебя сообщений. Я всё ещё бросался к телефону, заслышав вибрацию, но уже без того щенячьего, отчаянного трепета. Потом я перестал видеть тебя в толпе. Раньше каждое светлое пятно в метро, каждый поворот головы, каждое женское пальто твоего любимого серого цвета заставляли моё сердце сжиматься в болезненном спазме. А потом однажды я понял, что прошёл весь день и ни разу не подумал о тебе. Ни разу. И это открытие не обрадовало меня, нет. Оно повергло в ужас. Я стоял посреди комнаты, и меня трясло, как в лихорадке, потому что я осознал: ты становишься воспоминанием. Размытым, далёким, полузабытым сном, который ещё тревожит по ночам, но детали которого уже стираются, утекают, как вода сквозь пальцы. Твой голос перестал звучать у меня в голове, я больше не мог с точностью воспроизвести его интонации, его тёплые, бархатные нотки, которые когда-то сводили меня с ума. Твои черты лица, те, что я считал высечен-

ными в моей памяти навечно, начали расплываться, и мне требовалось усилие, чтобы собрать их в единый образ. Я запаниковал. Я попытался вернуть боль, искусственно разбредить рану, достал твои фотографии, включил наши песни, вдохнул флакончик духов, который ты забыла на полке. И знаешь что? Ничего. Абсолютно ничего. Только лёгкая, щемлящая грусть, сродни той, что чувствуешь при прочтении старого, любимого, но уже зачитанного до дыр романа.

Прости меня. Прости за то, что я пишу эти жестокие строки. Ты, наверное, думала, что я там схожу с ума от неразделённой страсти, что моя жизнь без тебя — это сплошное страдание, и в каком-то извращённом смысле это, возможно, тешило твоё самолюбие. Мы все люди, и в нас живёт это тёмное, эгоистичное желание быть оплаканными, быть незабвенными, оставить после себя выжженную пустыню в чужой душе. Я знаю, ты не желала мне зла, но, признайся, где-то глубоко внутри тебе было бы приятно думать, что я никогда не оправлюсь, что наша любовь была настолько велика, что её потеря стоила мне жизни. И я сам дал тебе это право так думать своей первой запиской, своими стихами, своими пьяными ночными сообщениями, которые я, к счастью, так и не отправил. Я выставлял напоказ свою агонию, я смаковал свою боль, я упивался ролью трагического героя, покинутого, но верного до гроба. И мне стыдно теперь, стыдно до скрежета зубовного, потому что это была ложь. Не вся, ко-

нечно. Тогда мне действительно было плохо. Но я не предполагал, что это «плохо» закончится. Что на смену страданию придёт спокойствие, а на смену спокойствию — равнодушие. Я не думал, что моя всепоглощающая любовь окажется не вечной, а просто очень сильной эмоциональной встряской, которая, как и всё в этом мире, имеет свой срок годности.

Мы часто путаем любовь с привычкой, с зависимостью, с комфортом, с общим бытом. Я думал, что люблю тебя, когда просыпался и засыпал с мыслью о тебе, когда ревновал, когда скучал. Но что, если это была лишь боязнь одиночества? Что, если я просто не мыслил себя вне пары, вне ощущения, что я кому-то нужен? Твой уход выбил почву у меня из-под ног, потому что я привык идентифицировать себя через нас. Я был не «я», я был «мы». «Мы любим этот фильм», «Мы не едим острое», «Мы планируем отпуск». Когда «мы» исчезло, я рассыпался, как карточный домик. И весь этот месяц я по кирпичику собирал себя заново, только уже без тебя. Оказалось, что я люблю острую еду. Оказалось, что я ненавижу те фильмы, которые мы смотрели по вечерам. Оказалось, что я хочу поехать в отпуск в горы, а не на море, куда всегда рвалась ты. Я начал узнавать себя, настоящего, а не отражённого в твоих глазах. И этот новый я, тот, что медленно прорастал сквозь асфальт нашей разрушенной любви, он уже не испытывал к тебе ничего, кроме благодарности и тихой, спокойной печали.

Ты, наверное, ждёшь от меня проклятий, обвинений, упрёков. Ничего этого не будет. Я не могу винить тебя за то, что наши чувства оказались не вечны, ведь мои собственные чувства постигла та же участь. Мы оба думали, что строим дом на скале, а построили его на песке. И когда начался отлив, всё, что мы возвели, унесло в море. Это не твоя вина. Это не моя вина. Это жизнь. И самое страшное моё преступление перед тобой, самое подлое и низкое, заключается не в том, что я разлюбил. Это как раз неподвластно нашей воле. Моё преступление в том, что я чувствую облегчение. Чудо-вищное, невероятное, окрыляющее облегчение от того, что всё кончилось. Мне больше не нужно ни под кого подстраиваться, не нужно мучительно думать, как провести вечер, чтобы угодить тебе, не нужно выслушивать твои бесконечные жалобы на коллег по работе, которые меня никогда не интересовали, не нужно делать вид, что я разделяю твоё внезапное увлечение восточной философией или сыроедением. Я свободен. И эта свобода оказалась слаще самой сильной любви.

Когда я впервые понял, что больше не люблю тебя, я заплакал. Это были странные, очищающие слёзы. Я плакал не от боли, а от стыда. Мне казалось, я предаю что-то святое, предаю нашу память, наши клятвы. Ты ведь помнишь наши клятвы? Мы давали их в ту самую первую поездку на море.

Держались за руки, смотрели на звёзды и обещали друг другу вечность. Я действительно верил тогда, что способен пронести это чувство через всю жизнь. Я был искренен. Но человек слаб, и память его коротка. Звёзды, которым мы клялись, давно погасли или сместились, и наши слова потеряли смысл, растворились в космическом холоде. Нельзя обещать вечность, когда ты сам — лишь мимолётная вспышка сознания в бесконечном потоке времени. Я прошу у тебя прощения за эту невыполненную клятву. Прости, что я не смог. Прости, что моих душевных сил хватило лишь на несколько лет. Прости, что наша великая история любви оказалась всего лишь эпизодом, главой, которая закончилась и перевернулась, открывая новую, чистую страницу.

Я пишу тебе это последнее письмо, чтобы попрощаться окончательно. Не так, как в прошлый раз, когда каждое слово было пропитано надеждой на чудо, на то, что ты прочтёшь, разрыдаешься, прибежишь обратно. Нет. Сейчас мои слова сухи, как осенние листья. Я прощаюсь не для того, чтобы вернуть тебя. Я прощаюсь, чтобы отпустить тебя от себя. Ты больше не занимаешь мои мысли, не тревожишь мой сон, не управляешь моим настроением. Ты свободна от моей любви, а я свободен от тебя. Я возвращаю тебе ключи от твоей собственной жизни, которую ты, сама того не желая, оставила в моей душе. Иди и ничего не бойся. Ты не разбила мне сердце, ты его просто вылепила заново, сделала старше,

мудрее и, наверное, чуточку циничнее.

Мне жаль нашу любовь. Мне искренне, по-человечески жаль тот трепет, те бабочки в животе, те бессонные ночи, наполненные разговорами ни о чём, те спонтанные поездки за город, ту юношескую, пылкую страсть, которая сгорела дотла, не оставив даже углей. Мне жаль нас, тех наивных и счастливых дураков, что стояли под сентябрьским дождём и верили в бесконечность. Мне жаль, что всё закончилось не хлопком, не скандалом, не трагедией, а вот так — тихим, бесшумным выдохом. Остывшим чаем на столе. Я допил его, поморщился от горечи и поставил чашку в раковину. Пора мыть посуду. Пора жить дальше. Прощай. Спасибо тебе за всё хорошее и плохое. Я тебя больше не люблю. И прости меня за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.